

Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова
А.М. Решетов (1932–2009)

29 мая 2009 г. оборвалась жизнь Александра Михайловича Решетова.

Два года назад, когда ему исполнилось 75 лет, в честь этого события МАЭ, который в течение полувека был единственным местом его трудовой деятельности после окончания университета, издал книгу «Проблемы общей и региональной этнографии». Она вместила статьи — «юбилейные приношения» — лишь небольшой части тех ученых, для которых научное творчество Александра Михайловича, его неповторимая личность значили очень много, и весть о его кончине была для них горька и неожиданна¹.

Уже к тому времени А.М. — этот неутомимый путешественник, объездивший нашу необъятную страну вдоль и поперек, испытывавший потребность не только по книгам знакомиться с ее народами, но своими глазами их увидеть и своими ушами услышать, пообщаться с изучающими их этнографами, из-за болезни ног уже давно не выходил из дома, с трудом передвигаясь по узкой «тропинке» среди окружавших его гор книг. Радужный хозяин, он принимал в своей однокомнатной квартире на пр. Мориса Тореза гостей, рвавшихся поздравить его и изъявить ему свои чувства, небольшими группами.

Он жил один, но не был одинок и беспомощен. Двери его дома всегда были распахнуты перед друзьями, учениками, писавшими под его руководством диссертации, перед молодыми и почтенного возраста коллегами, которые интересовались его мнением по различным научным проблемам, нуждались в его совете, ценили феноменальную широту его познаний, его мудрость.

¹ В предисловии к этой книге мы писали: «1 августа 2007 г. Александру Михайловичу Решетову исполняется 75 лет. Ученые самых разных областей гуманитарного знания — этнографы и востоковеды, историки и филологи — объединились с исключительным подъемом и представили к этой дате свои статьи в сборнике, посвященном ученому большого дарования, личности незаурядной, очень многогранной, яркой, обладающей широким научным диапазоном и могучим темпераментом. Очень многие ученые откликнулись на предложение принять участие в юбилейном издании, так что составителям пришлось ограничить их число и оставить только те статьи, которые в той или иной степени находятся в русле идей и направлений, свойственных научному творчеству самого юбиляра» [Иванова, Ревуненкова 2007].

И никогда не умолкал телефон, позволявший Александру Михайловичу в его затворничестве поддерживать постоянную связь с коллегами в МАЭ, с отечественными и зарубежными учеными, с друзьями.

Александр Михайлович родился 1 августа 1932 г. в рабочем поселке Глубокий в 200 км от Ростова-на-Дону². Отец его Михаил Иванович Решетов водил поезда по Юго-Восточной железной дороге, был удостоен звания почетного железнодорожника СССР, этой же профессией овладели два его старших сына — Иван и Николай, а дочь Валентина служила на этой же дороге. Мать — Матрена Фоминична — растила четверых детей, под ее строгим контролем все члены семьи от мала до велика участвовали в огородных работах и уходе за домашним скотом. Личная вовлеченность Александра Михайловича с детских лет в деревенский труд позволила ему в дальнейшем в бытность этнографом прекрасно разбираться в тонкостях народной материальной культуры.

В старших классах Александр Михайлович увлекался историей дипломатии, много читал, был правой рукой школьного библиотекаря. Первым «проглатывал» все новые поступления. Закончив школу с серебряной медалью, в 1951 г. поехал в Москву поступать в МГИМО, но опоздал — в том году прием закончился раньше обычного, 20 июля. А.М. Решетову пришлось расстаться с мечтой о карьере дипломата и отправиться в Ленинград. Судьба сберегла его для востоковедения и этнографии.

А.М. Решетов поступил на Восточный факультет на отделение истории Китая на кафедру истории стран Дальнего Востока, которой заведовал Г.В. Ефимов. Этого историка наряду с Н.В. Кюннером, И.П. Петрушевским, Л.А. Березным и Е.Я. Люстерник он глубоко читал как своих Учителей.

Три члена когорты историков Китая, закончившие на год раньше А.М. Решетова ту же кафедру (Е.И. Кычанов, В.И. Ларичев, В.С. Кузнецов), до конца дней А.М. сохраняли с ним научные и дружеские связи, их научные подношения к его юбилею читатель найдет в сборнике в его честь.

В 1956 г. по окончании университета А.М. Решетов поступает в аспирантуру Института этнографии, обучение в которой было прервано стажировкой в КНР. А.М. Решетов едет в Китай с мыслью о своем будущем этнографа и на протяжении четырехлетнего пребывания в этой стране знакомится с ее древней культурой, осваивает китайский разговорный язык, пристально всматривается в состояние китайского общества (начиналась культурная революция), пытается глазами этнографа увидеть народную жизнь, интересуется этническим многообразием населения, знакомится с китайской этнографической наукой и ее видными представителями: Линь Яохуа, Чэнь Юнлином, Су Кэцином, Юй Даоцюанем и др. Именно в Китае состоялась счастливая, пожалуй, судьбоносная встреча с Н.Н. Чебоксаровым и К.М. Сергеевым (с Н.М. Дудинской А.М. Решетов уже был знаком). Здесь же завязались дружеские отношения с В.Ф. Гусаровым, Б.Н. Мельниченко, Н.А. Мазуром, Э.С. Стуловой, с московскими китаистами М.Л. Титаренко, М.В. Крюковым, А.А. Москалевым, с радостью откликнувшимися спустя полвека на юбилей «друга юности».

² Спустя много лет он посвятит своей «малой родине» доклад на Среднеазиатско-Кавказских чтениях (см. Библиографию за 1997 г.) — «Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике [Решетов 1997].

В декабре 1960 г. А.М. Решетов возвращается в Ленинградскую часть ИЭАН СССР (ныне — МАЭ РАН), с которым связана с тех пор вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Здесь он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, стал автором более 500 научных работ, приобрел широкую известность в научных кругах.

Свою научную деятельность А.М. Решетов начал как этнограф-китаист. Прекрасно владея китайским языком, он являл собой образ настоящего этнографа, соответствующего требованиям, предъявляемым классиками отечественной этнографии к исследователю, собирающемуся изучать какой-либо народ. Для этого было необходимо прежде всего знать язык этого народа. За годы советской власти эта традиция была почти утрачена и по-настоящему не восстановлена до сих пор. Как этнограф-китаист, А.М. Решетов в этом смысле представляет собой редкий пример сохранения непреходящих по своей ценности традиций российской этнографии. Знание языка способствовало его становлению как китаиста в широком понимании: его работы посвящены не только этнографии, этнической истории, вопросам социальной организации, но и проблемам истории и филологии преимущественно малых народов Китая. А если говорить более точно, то для трудов А.М. Решетова в области китайской этнографии характерен комплексный подход, поэтому они в равной мере интересны как для историков, так и для филологов, что не раз подтверждалось реакцией на его выступления на многочисленных востоковедных конференциях и откликами в печати, переводами его работ на китайский язык.

А.М. Решетов внес значительный вклад в написание томов в серии «Народы мира», посвященных Восточной и Юго-Восточной Азии.

Постепенно молодой ученый начинает расширять свое исследовательское поле, включая в сферу научных интересов этнографическое изучение других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Отдельные сюжеты и проблемы, поставленные на китайском материале, перекликаются в трудах А.М. Решетова со сходными этнографическими сюжетами соседних или находящихся под влиянием китайской культуры стран — Монголии, Тибета, Юго-Восточной Азии.

Уже на раннем этапе своего научного становления А.М. Решетов почувствовал вкус к теоретическим проблемам этнографии (проблемам родства и семейно-брачных отношений, хозяйственно-культурных типов, этноса, этнопсихологии, методам этнографического исследования и др.). Во многом интерес к проблемам общей этнографии у молодого ученого стимулировали активно развивавшиеся в 1960-х годах острые дискуссии и обсуждения по вышеназванным проблемам в окружавшей его научной среде, печати, личном общении с выдающимися учеными, стремившимися к творческому развитию науки, называемой в то время советской этнографией. Среди ряда крупных ученых, под воздействием которых А.М. Решетов проходил этнографическую школу, прежде всего следует назвать Николая Николаевича Чебоксарова. Несмотря на то что один жил в Москве, а другой в Ленинграде, они были очень тесно связаны не только научными, но и личными, дружескими узами. Н.Н. Чебоксаров, исключительно эрудированный, широко образованный ученый-антрополог в западном понимании этого слова, во многом пробудил и сформировал исследовательские интересы молодого ученого. А.М. Решетову было присуще крайне благодарное и уважительное отношение к старшим кол-

легам. Многих из них он воспринимал как своих учителей. К Чебоксарову Александр Михайлович испытывал особенно теплое, трепетное чувство. Он отдал ему дань огромного уважения в большой статье [Решетов 2004], а мы — коллеги и друзья А.М. Решетова — слышали от него столько рассказов о Н.Н. Чебоксарове, что создалось впечатление, как будто сами долго с ним общались и очень хорошо знаем этого в высшей степени серьезного ученого и в то же время трогательного, смешного человека, в сущности, большого ребенка, человека, пережившего большую трагедию, но умевшего ценить жизнь и наслаждаться ее лучшими проявлениями. Под руководством Н.Н. Чебоксарова А.М. Решетов написал кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко-этнографический очерк» и успешно защитил ее в Москве в 1967 г.

В 1970 г. А.М. Решетов создал в Лен. части Института этнографии группу общей этнографии и в течение нескольких лет руководил ею на общественных началах — до создания в Институте одноименной структурной группы. Доклады, сделанные на заседаниях этой группы, составили два сборника: «Охотники. Собиратели. Рыболовы» (1972) и «Ранние земледельцы» (1980).

С конца 1970-х годов внимание исследователя наряду с теорией этнографии начинает привлекать и ее история, прежде всего история российской этнографии в лице конкретных ее представителей. Именно с этого времени можно вести отсчет основанному им направлению, которое он успешно развивал и совершенствовал. За прошедшие годы вышло множество его статей об ученых, внесших огромный вклад в российскую этнографию, но часто забытых, хотя последующие поколения пользуются результатами трудов предшественников, даже не подозревая о масштабе личности последних. А.М. Решетов серией своих статей об этнографах, директорах и работниках Музея антропологии и этнографии (Д.К. Зеленине, Н.В. Кюнере, Л.И. Шренке, В.В. Радлове, Е.Ф. Карском и др.), об ученых-эмигрантах (С.М. Широкогурове, С.Г. Елисееве, В.А. Рязановском и др.) уничтожил многие белые пятна в истории отечественной этнографии, а в ряде случаев восстановил и открыл для нас имена и роль исследователей, которые на долгие годы были вычеркнуты из памяти поколений

А.М. ставил задачу (и умело решал ее) — найти ценные для этнографической науки материалы в творчестве представителей смежных гуманитарных наук (см. в Библиографии его статьи о выдающихся востоковедах — В.М. Алексееве, Б.Я. Владимирцове, Н.А. Невском, археологах — С.И. Руденко, М.П. Грязнове и др.), Н.К. Рерихе, Святителя Иннокентия и многих-многих других ярких личностей.

Именно А.М. Решетов впервые обратился к исследованию научного творчества ученых, подвергшихся репрессиям. Позже это направление, названное репрессированной этнографией, было подхвачено и развито более предприимчивыми деятелями науки. Ради восстановления справедливости и научной истины он годами работал в специальных архивах, изучал документы, дела невинно осужденных ученых (Н.М. Маторина, Б.А. Куфтина, Б.Н. Вишневого, К. Герда, М.Б. Шатилова, Т.А. Крюковой и др.), их труды, освещал их огромную роль в развитии отечественной этнографии. Своим буквально подвижническим трудом в этой области А.М. Решетов заслужил огромную благодарность не только от ученых — своих современников, но и от ныне живущих родственников репрессированных этнографов. А это дорогого стоит.

В историографическом аспекте следует рассматривать и многочисленные статьи-некрологи, написанные А.М. Решетовым. Он всегда внимательно следил за работами своих коллег, независимо от их возраста, специализации и титулов, а при утере их откликнулся прочувствованными некрологами, менее всего напоминая формальные статьи в этом жанре. В них всегда даются убедительные, исторически важные характеристики. Более того, он отмечал в наших изданиях и юбилейные даты, и уход из жизни и тех уже бывших коллег, которые на нашей памяти уехали из России. Широкий научный кругозор позволял ему оценить роль того или иного ученого в этнографии, вклад в развитие науки. И главное, он всегда чувствовал себя обязанным отдать последний долг коллегам и оставить последующим поколениям память о предшественниках, их открытиях и достижениях, запечатлеть черты их личности. В таких случаях его собственные дела откладывались ради того, чтобы выразить высокое уважение к памяти коллеги и сделать все возможное, чтобы не затерялся его след в науке.

А.М. Решетов являлся в наши дни, несомненно, лучшим в России знатком истории отечественной этнографии и творческих биографий ее представителей. Он входил в состав авторских коллективов многих российских энциклопедий (Советской исторической энциклопедии, БСЭ, БРЭ, «Народы и религии мира», «Югория», «Северная энциклопедия», «Башкирская энциклопедия», «Воронежская историко-культурная энциклопедия»).

А.М. Решетов задумал создание Биобиблиографического словаря российских этнографов и антропологов XX в., обратился в 2004 г. со страниц «Этнографического обозрения» с призывом содействовать ему в этом начинании и сам многие годы работал над этим масштабным проектом. (К сожалению, работа эта осталась в рукописи, и одна из учениц А.М. Решетова китаист Е. Петрова разбирает сейчас эту часть большого архива ученого.)

К А.М. Решетову постоянно обращались за библиографическими справками со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья. Его труды в этой области были заслуженно оценены и зарубежными этнографами. Так, в монументальном словаре «International Dictionary of Anthropologists» (Gen. ed. Ch. Winters. N. Y.; L., 1991. 823 p.) благодаря А.М. Решетову было введено в мировую этнографию много имен российских ученых, статьи о которых им же и были написаны.

А его рассказы из истории российской этнографии в неформальной обстановке, сочетавшие высокую научность и юмор, навсегда врезались в память заинтересованных слушателей и остались живой иллюстрацией прошлого отечественной науки.

В богатой фигуре А.М. Решетова, которой под стать и его мощный интеллект, соединились, казалось бы, несовместимые качества ученого. Он самозабвенно работал с книгами в библиотеках, с материалами архивов, был предан музейному делу и его «бухгалтерской» документации, любил кабинетную тишину. И в то же время он не мог жить и работать без живой стихии полевых исследований, постоянного ощущения жизненного потока и почти ежегодно по несколько месяцев проводил в экспедициях. Не считая многолетнего пребывания в Китае, он бывал в этнографических экспедициях у калмыков, ненцев, селькупов, объездил Приморский край и Сахалин, Монголию, неоднократно — всю Среднюю Азию и Казахстан. Один из авторов данного тек-

ста — Е.В. Ревуненкова — ездила вместе с ним в Среднюю Азию изучать уйгуров, таджиков и узбеков и была свидетелем того, как быстро и естественно он вживался в любую среду обитания. Он сразу воспринимался как аксакал, без труда располагал к себе людей, с первых минут завораживал их своими рассказами. Выразительно, умно, логично, с юмором он мог говорить на любые темы, поддержать любой разговор. И через короткое время окружающие буквально раскрывали перед ним свои сердца. Как истинный этнограф, он жил жизнью того народа, который изучал. И в полевых условиях оставался тем же безусловным лидером, как и в научной среде, впрочем, как и везде, где бы ни находился. Особенно интересно было наблюдать, как в условиях экспедиции при обсуждении добытых в течение дня материалов в ходе импровизированных бесед у А.М. Решетова тут же рождались мысли, ассоциации, сопоставления из известных ему сведений по истории и теории этнографии, вещей, коллекций. Это была, в сущности, настоящая неформальная этнографическая школа.

У А.М. Решетова очень рано появились и собственные ученики. Он заботливо выращивал их. Ему был присущ особый дар наставничества, умение пробудить интерес к тому, что интересно ему самому, и одновременно он увлекался теми же проблемами, сюжетами, предметами, которые заинтересовали его учеников. Многие ученики А.М. Решетова давно стали кандидатами и докторами наук. Сам он не защитил докторскую диссертацию — было жаль тратить время на связанные с этой процедурой формальности.

Но в науке тоже есть гамбургский счет, и все мы знаем, что по своим многочисленным талантам, которыми природа щедро его одарила, по обширным знаниям в области конкретной и теоретической этнографии, по высоте творческого полета и широте научного кругозора он представляет тип истинного ученого самого высокого класса, намного выше уровня обычного доктора наук. К нему обращались по самым разным проблемам этнографии, его мнением дорожили ученые, которые формально занимают более высокое положение в науке. Не случайно в юбилейном сборнике приняли участие академики, директора академических институтов, многочисленные доктора наук.

Бурный научный темперамент сочетался у А.М. Решетова с не менее бурным общественным темпераментом. Это был человек огромной социальной активности, всегда стремившийся быть в центре событий. В советское время люди такого склада во многом для реализации своих научных, организаторских и административных способностей вступали в ряды КПСС. А.М. Решетов был активным членом КПСС, не раз избирался в руководящие местные органы этой организации, был секретарем местной партийной организации. Позже, уже в иной обстановке, он никогда не старался скрыть этого факта своей биографии, не каялся, не заявлял о перемене своих взглядов и не стал называть себя демократом, а продолжал спокойно и достойно заниматься своей разнообразной научной деятельностью, как это делал всегда. А занятие репрессированной этнографией, восстановление имен исследователей, загубленных режимом, мы считаем достойной реакцией на преступления этого режима.

Пример А.М. Решетова говорит о том, что и в самых неблагоприятных для развития свободной мысли условиях можно отстаивать свое мнение и оставаться порядочным человеком. В 1960-х годах в МАЭ (тогда Институте этнографии, который был Ленинградской частью Московского института) проходи-

ла очень острая дискуссия по коренным проблемам социальной организации. Дискуссия развернулась между сторонниками сохранения «чистоты» марксизма (считавшегося единственно верным в то время учением) и реформаторами (их тогда называли ревизионистами), которые исповедовали провозглашенный самими марксистами принцип развития, но на основе новых научных фактов стремились по-новому взглянуть на проблемы социальной организации первобытного общества. Реформаторами были в основном молодые ученые, их оппонентами — маститые ученые, обладавшие к тому же, выражаясь современным языком, административным ресурсом (главным из последних был видный ученый и руководитель Ленчасти института доктор исторических наук и заслуженный деятель науки Леонид Павлович Потапов, с которым позднее у Александра Михайловича сложились прекрасные отношения). А.М. Решетов, будучи молодым сотрудником, еще не защитившим кандидатскую диссертацию, активно включился в дискуссию и благодаря логике своей аргументации и совершенно исключительным организаторским способностям смог переломить весьма опасную для многих участников ситуацию и в буквальном смысле слова спасти так называемых ревизионистов от мер административного воздействия, т.е. увольнения. Они остались работать в науке, успешно развивали ее в дальнейшем, став учеными с мировым именем. Один из них, австраловец Владимир Рафаилович Кабо (переехавший в конце жизни в Австралию и скончавшийся там почти одновременно с Александром Михайловичем) незамедлительно откликнулся на предложение участвовать в сборнике в честь А.М. Решетова. Современными молодыми учеными эта ситуация может восприниматься с иронией. Она действительно абсурдна, если оценивать ее с современной точки зрения.

Но ученые, еще помнящие научную атмосферу 1960-х годов — при этом далеко не худшую в истории науки — хорошо понимают, какая серьезная угроза нависала над научной карьерой, а в конечном счете и жизнью реформаторов за малейшее отступление от буквы доктрины, считавшейся тогда единственно правильной.

Огромный организаторский талант А.М. Решетова особенно активно реализовался в годы, когда он семь лет был ученым секретарем Ленчасти Института этнографии и 30 лет — ученым секретарем диссертационного совета. Именно в эти годы происходили защиты диссертаций многих «засидевшихся» к тому времени без научной степени, но вполне сложившихся ученых на всем пространстве бывшего СССР, а потом России — от восточных до западных, от северных до южных границ. Без преувеличения можно утверждать, что большинство кандидатов и докторов в МАЭ стали таковыми при содействии А.М. Решетова. И авторы этой статьи относятся к их числу.

Многие годы Александр Михайлович был членом Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. Участвовал в работе многих международных конгрессов. На шести конгрессах антропологов и этнографов России возглавлял секцию по истории науки. Входил в редколлегию сборников МАЭ (был ответственным редактором многих из них), «Курьера Петровской Кунсткамеры». А с 1992 г. был членом редколлегии «Этнографического обозрения».

Много лет А.М. Решетов был руководителем отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, менявшего названия и состав сотрудников, был основателем и бессменным организатором Кюнеровских чтений. Перестав из-за болезни появ-

ляться в Музее, он продолжал по-прежнему интересоваться всем, что в нем происходит: и движением научной мысли, и музейными делами, и судьбами сотрудников. Теряя физические силы, он сохранял силу интеллекта и духа. Все, кто общался с ним, кто был верен ему и кому он доверял, по-прежнему находились под воздействием и обаянием этой не похожей ни на кого личности.

А.М. Решетов воспитывался в патриархальной семье в рабочем поселке и с детства впитал в себя крепкие моральные устои, нравственные ценности и этику поведения южнорусской провинции. Но в семье он не мог получить того огромного багажа знаний по культуре и искусству, который делал его таким интересным собеседником. В эстетическом смысле он воспитал себя сам. Став студентом Ленинградского университета, он жадно впитывал и усваивал дух и культурные ценности Ленинграда-Петербурга. Искусство стало такой же необходимой потребностью его жизни, как и наука. Многие годы он почти каждый вечер бывал либо в театре, либо в филармонии. С ранней юности он был увлечен балетом, стал знатоком этого искусства, буквально жил им и знал историю и современную ситуацию в балете не хуже, чем историю этнографии. Почти 50 лет он был близким другом, собственно говоря, своим человеком в доме великих танцовщиков современности — Натальи Михайловны Дудинской и Константина Михайловича Сергеева, которые очень ценили его мнение о той или иной постановке и всегда прислушивались к нему как балетному критику. Он был свято предан своим друзьям-танцовщикам и после их кончины, много сил и энергии затратил для увековечения их памяти, стал инициатором просветительских лекций об искусстве выдающихся российских танцовщиков в Российской Национальной библиотеке.

Много лет проработав с Александром Михайловичем в нашем учреждении, не раз побывав с ним в экспедициях и в разных поездках, наблюдая за ним в самых разных ситуациях и имея с ним далеко не всегда гладкие и ровные отношения, считаем А.М. Решетова человеком выдающимся. Ему была присуща огромная потребность в научном творчестве и искусстве. Он получал наслаждение от того и другого и в каждой из этих областей достиг уровня высокого профессионализма. С ним всегда было интересно. В любом обществе А.М. Решетов становился центром притяжения. Он восхищал своим особым ощущением полноты бытия, вкусом к жизни, был жаден к знаниям, музыке, балету, но равнодушен к так называемым материальным благам, обходясь самыми элементарными. Единственным богатством его несложного домашнего быта были книги, которые вытесняли своего хозяина, оставив ему ничтожное жизненное пространство, и множество растений, за которыми он заботливо ухаживал, и они в благодарность цвели круглый год. В разных ситуациях, в обсуждении насущных научно-организационных вопросов он выражал свое мнение прямо, конкретно, порой остро полемично, а не плел невнятную сумятицу и не говорил так, чтобы ничего не сказать, потому что так жить спокойнее. Стремление к спокойной жизни не было его стихией.

Сознание того, что личность такого огромного научного кругозора и творческого диапазона живет и плодотворно трудится среди нас, что, набрав номер его телефона, к нему можно обратиться по многим проблемам этнографии, давало заряд особой жизненной энергии, которая помогала нам достойно и целенаправленно заниматься своим делом в науке.

Грустно сознавать, что мы больше не услышим голоса Александра Михайловича, не сможем навестить его. Своим разносторонним научным творчеством А.М. Решетов принадлежит уже истории отечественной этнографии и, несомненно, является ее гордостью.

Библиография

Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: Портрет ученого в контексте времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 358–396.

Иванова Е.В., Ревуненкова Е.В. Предисловие // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А.М. Решетова): Сборник статей. СПб., 2007. С. 3

Решетов А.М. Поселок Глубокий Ростовской области. Эскизы к историко-этнографической характеристике // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1994–1995 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 112–115.